

Андрей Максимов

ПАСТУХ

Театральная фантазия в 2-х частях

П Р О Л О Г

Обычная, ничем не примечательная комната: стол с бумагами, шкаф, диван и проч.

Когда открылся занавес, комнату прибирала, одновременно делая небольшие перестановки, АКТРИСА.

Свой небольшой монолог в прологе она произносит, продолжая создавать тот мир, в котором и произойдет действие.

Ее грим и одежда немного отличаются от тех, что будет в спектакле.

АКТРИСА (*говорит спокойно, почти без эмоций*). В тридцатые годы нашего века в Англии жил актер Майлс Маллесон, страстный любитель коммунистической теории И вот он узнал, что в читальном зале Британского музея работает старый хранитель, который - по слухам - знал Ленина. Ленин, как известно, любил работать в этой библиотеке. Майлс поспешил на встречу с почтенным старцем, в надежде узнать что-либо новое о своем кумире. «Помните ли вы Ленина? - спросил Майлс с порога. - Впрочем, возможно, он назвал свою настоящую фамилию - Ульянов...» «Господин по фамилии Ленин мне не знаком, - ответил хранитель. - А вот господина Ульянова я прекрасно помню. Обаятельный человек, небольшого роста, с острой бородкой, очень милый и приятный в общении. - Хранитель улыбнулся и спросил. - Не скажите ли вы, что с ним? Жив ли он? Чем занимается?» (*Оторвавшись от уборки*). Где он сейчас?... Чем занимается?

ЗАТЕМНЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Конкретное время действия и город, в котором могли бы произойти все эти события, значения не имеют.

Начало XX века. Эмиграция.

Та же самая комната, что была в прологе.

Из-за кулис раздаётся дикий крик животного.

Тишина.

Быстрыми шагами входит ЛЕНИН. В руках у него нож, с которого капает кровь.

Ленин быстро ходит по комнате: что-то ищет.

ЛЕНИН. Неужто кончилось? Быть того не может... Вроде, целая бутылка оставалась. *(Заметив капающую с ножа кровь).* Наследил-то как... Нехорошо. *(Подходит к столу, берет лист бумаги, вытирает кровь, окровавленную бумагу бросает на пол).* Необходимо сосредоточиться и все вспомнить... Грузинские товарищи привезли .. сколько?.. ну да, конечно - четыре бутылки. Именно - четыре. Я еще спросил: «Отчего не пять для ровного счета?» А они ответили... Что ж они ответили?.. *(Вспоминает).* «Товарищ Ленин, мы знаем вашу любовь к круглым цифрам, но одну пришлось распить в поезде с жандармским офицером. Сами понимаете». Я понял, да... Итак, четыре... Одну квартирной хозяйке отдал... Осталось - три... Одну... С этим... Как его?.. Совсем из головы вон, как его звали... Спорили еще страстно... Он не знал, что я пью мало... Сам пил, не переставая... Вообще, удалось ... его убедить... Осталось две бутылки... Инесса моя приезжала... Неся... Хотел поразить ее - целую бутылку потратил на беседу, но не жалею, ибо потом, ночью... Да... Ну так одна же точно оставалась... Одна бутылка хорошего грузинского вина, ровно пятьсот грамм: можно и мясо побрызгать и, на всякий случай, еще для беседы останется. *(Пока говорит, раскидывает вещи, наконец, находит то, что искал, облегченно вздыхает; смотрит бутылку на свет).* Обманули грузинские товарищи: какие ж здесь пятьсот грамм? Здесь грамм четыреста восемьдесят, ну, от силы четыреста восемьдесят пять, но никак не пятьсот. *(Достает пустую бутылку).* Двести сорок на мясо пойдет, остальное - для беседы останется. *(Переливает).* Чудненько все получилось. Теперь то, что осталось надо спрятать так, чтобы никто не нашел, а я чтобы нашел быстро... *(Прячет; уходит, напевая «Вихри враждебные...»;* быстро возвращается*).* Надо же - самое главное забыл! *(Берет нож, оставленный им на столе).* Без ножа русский человек ни одного дела сотворить не может... Интересная какая мыслишка...*(Подбегает к столу, записывает; читает).* Без ножа русский человек ни одного дела сотворить не может... Забавно, черт меня возьми. *(Нюхает воздух).* Могу не успеть мясо окропить... *(Убегает).*

За сценой раздаётся грохот.

Тишина.

Проносится порыв ветра, наступает темнота.

В двух углах на авансцене освещаются песочные часы. Они начинают крутиться. Вертятся все быстрее, быстрее - песок снует в них туда-сюда -и все больше напоминают два пропеллера.

Окровавленный кусок бумаги начинает шевелиться, и из него вылетает сноп огня.

*Из огня появляется **ОНА**.*

Возраст ее особого значения не имеет, скажем лишь, что она - ровесница Ленина.

Медленно, по-хозяйски Она обходит комнату, подходит к тому месту, куда Ленин только что спрятал бутылку, достает ее и медленно выливает содержимое на пол.

ОНА (глядя, как жидкость растекается по полу). Интересно... Как он сказал? «Забавно, черт меня возьми...» Действительно, забавно... Вот так бы душу из него выжать, как сок из лимона... Раз! - и все... Не выжмешь... Сначала все понять надо про эту душу, потому как она - птица вольная: не убить ее, не приручить... Казалось бы: двадцатый век на дворе, а вот ведь как не могли ни отобрать, ни приручить - так и не можем... Странное какое дело...

*Распахивается дверь, вбегают **ЛЕНИН**.*

Она быстро прячется за шкаф.

ЛЕНИН. Кто здесь?

Она подкрадывается сзади и закрывает ему глаза ладонями.

Мама?

ОНА. Мама твоя умерла, ты что? Позабыл, как давно не получал от нее денег?

ЛЕНИН. Да-да, бедная мама... А если меня снова в Сибирь сошлют, кто ж тогда станет присылать мне теплые вещи?.. (Трогая ладони руками). Анна?

ОНА. Помнишь детскую игру: когда надо было своими шашками сбить шашки противника? Щелкнуть, попасть и сбить с доски. Вы еще с братом Сашей так любили в нее играть... Так вот ты некоторые свои шашки приклеивал к доске, и очень радовался, что Саша никак не может их сбить. А Саша злился ужасно... Может, с тех самых пор твоя сестра Аня не очень любит тебя навещать?

Она отходит от Ленина, садится на диван.

Ленин продолжает стоять так, будто ему закрывают глаза.

ЛЕНИН. Неся, ты?

ОНА. Инесса-Елизаветта Федорова Стефан, англиканского вероисповедания, по первому мужу-Арманд, по второму, впрочем, тоже - Арманд, ибо, ушла от одного брата к другому, да еще с пятью детьми... Великая женщина! Пятерых детей нарожала, а страсть утолить все никак не могла. Ладно, повернись ко мне, говори: любишь, что ли, эту англиканского вероисповедания?

ЛЕНИН (повернувшись к ней, говорит как под гипнозом). Да.

ОНА. А чего ж письма подписывал «крепко жму руку»? Поцеловать, что ли, женщину не мог хотя бы в письме?

ЛЕНИН*(истерично)*. Это не правильная логика, ошибочная, вредная! Если и целовать, то, как раз, и не в письме, а в жизни: революционеры привыкли к конспирации, их жизнь происходит без свидетелей. Поцеловать же в письме - никак нельзя. Письма для потомков пишутся, для будущего. И потому наша задача сегодня...

ОНА *(перебивает, спокойно)*. Тишина.

Ленин замирает.

Если письма любимой пишешь - и думаешь про глупости, значит, не любишь ее.. Впрочем, мы это еще проверим. Как проверим все про твою любовь - тут и с душой твоей тоже все станет ясно. *(Подходит к Ленину, закрывает глаза ладонями)*. Ну что, понял, наконец, кто приехал?

ЛЕНИН. Надя! Наденька приехала! *(Резко разворачивает Ее, целует)*. Хорошо-то как Надюша, что ты приехала. А то я уже даже с самим собой разговариваю, хожу представь, по комнате и говорю, говорю, чтобы язык русский не позабыть... Просто анекдотец какой-то.

ОНА *(глядя Ленина)*. Устал ты, наверное, Володенька. Как всегда: работаешь много, спишь мало... Ничего, ничего - теперь отдохнешь, поешь, выспишься,... Я тебе блинчиков испеку...

ЛЕНИН. Только толстеньких, как я люблю...

ОНА. Конечно, как ты любишь. Некоторые говорят: мол, русские блины - чем тоньше, тем лучше. Глупости какие! Русский блин - он самый толстый и есть.

ЛЕНИН. Приехала Надюша - моя кормилица-поилица.

ОНА *(растегивая его рубашку)*. Володенька, ты и не представляешь, как я по тебе соскучилась! Ты мне снишься каждую ночь, каждую ночь... Будто сидим мы с тобой напротив друг друга и все разговариваем, разговариваем, разговариваем...

ЛЕНИН *(слегка отстраняясь)*. Потом, Надюш, слова, потом и поступки. И чудненько все будет, чудненько. Запах чувствуешь? Барашек мой подходит... Хозяйка еще удивлялась, все спрашивала меня *(говорит с акцентом)* : «Ви может сам поубивать животный?»

ОНА. Видела бы она, как ты в Шушенском - раз! - и перерезал горло барану.

ЛЕНИН *(с плохо скрытой гордостью)*. Тут ведь главное - быстро. И умело. Прежде, чем барана резать - ему надо связать задние ноги, и как только горло чикнул - тут же веревку на задних ногах - чик! - и перерезал, он

ногами-то дрыгает - чувствует, что умирает, кровь просто фонтаном хлещет. Хорошая такая кровь, густая, черная почти... Жалко так, что зря пропадает... Ты не знаешь, случаем, как баранью кровь можно в хозяйстве использовать?

ОНА. Кавказские товарищи говорили, что если кровь баранью в чай добавлять - он приобретает совершенно особый вкус.

ЛЕНИН. Кавказские товарищи и не такого понараскажут! Они мне тут посоветовали печень только что убитого барана съесть. «Она же теплая, - говорят, - вкусно, попробуй».

ОНА. И что - попробовал?

ЛЕНИН. Разумеется. Ничего вкусного. Нет, мясо должно быть жареным и никаким иным. (*Нюхает воздух, как зверь*). Чувствуешь? Подходит мой барашек. Зарумянился уж, наверное...

ОНА. Это не я - это ты мой кормилец.

Дымом тянет все сильнее.

ЛЕНИН. Черт возьми! Опять промедлил.

Ленин и Она убегают.

Порыв ветра приносит с собой темноту.

Медленно крутятся песочные часы, стоящие по углам авансцены : в них пересыпается песок.

С каждым поворотом часов на сцене становится все светлей.

Со смехом вбегают ЛЕНИН и ОНА.

В руках оба держат блюда, на которых стоят чашки с чаем.

(*смеясь*). Нет, Надюш, тут уж хочешь - не хочешь, а баранинку всенепременно нужно сверху чайком залить. Всенепременно!

ОНА. Так я ж и не отказываюсь. И ты посмотри: пьем чай без крови, а вполне получается вкусно.

ЛЕНИН. Чудненько, чудненько все! А то ведь если барашка сверху чайком не залить - он всю ночь спать не даст, колобродить начнет.

ОНА. А мы-то будем всю ночь колобродить?

ЛЕНИН. Всенепременно! Но сначала - чай, чтоб порядок был.

ОНА (*садится к столу, пьет чай из блюда*). Ой, хорошо-то как! Давно мы с тобой, Володенька, вот так душевно чай не пили. С сушками... Послушай, а где сушки?

ЛЕНИН. Кто ж мне их купит, Надюш?

ОНА. Тогда, может, тебе наших толстенных блинов испечь?

ЛЕНИН. Утром, Наденька, утром... У меня весь живот баран оккупировал... А ты - блины... Эх! Помнишь ли ты, Надюша, первые наши блины, первую нашу масленицу? Чудненькая у нас с тобой была первая встреча.

ОНА. Конечно, помню, друг мой. Страх, как любопытно было с тобой познакомиться... Особенно после того, как один наш товарищ мне рассказал: «Ульянов - это великий оратор, с которым совершенно невозможно спорить! Бессмысленное это дело с Вовкой спорить! Любого человека он может убедить в чем угодно! Представляешь, уговорил дочь купца третьей гильдии провести с ним ночь. И ведь, что интересно: она и не собиралась идти с Ульяновым, но через полчаса беседы сама взяла его за руку и увела... »

ЛЕНИН (*вскакивает, подходит к столу, берет ручку*). Как фамилия товарища, который тебе все это рассказал?

ОНА. Володь, ну что ты, честное слово? При чем тут это... Ты скажи-ка лучше: не любил ее, дочку купеческую?

ЛЕНИН. Да что ты, ревнивица моя, какая любовь! Я даже забыл уже эту историю... Наврал чего-то - и все!

ОНА. Врать-то, Володенька, разве хорошо?

ЛЕНИН. Хорошо, Надюша, в том-то все дело, что - хорошо. Люди - они ведь пусты, как пробки... Нет, как бутылки... Чем их наполнить? Правдой? Невозможное дело! Правда - самое неприятное, что только может быть для человека. Скажи любому, кто он есть на самом деле, и, уверяю тебя, этот человек станет твоим злейшим врагом. Наври! - и ты получишь лучшего друга. (*Продолжая говорить, автоматически делает какие-то записи*). Ложь движет миром. Только вот придумать хорошую ложь - это большое искусство. Наш старичок мир очерствел и одичал. Его уже не сдвинуть с помощью изысканных теорий. В чем задача момента? Придумать простое, доходчивое, понятное всем людям вранье.

ОНА. Володенька, какой же ты у меня умный!

ЛЕНИН (*не слыша Ее*). Мир держится на брехне! Даже, если ее называют правдой, это дела не меняет. Человеческая жизнь начинается со лжи, ею же и заканчивается. Как можно определить все те речи, которые произносят над гробом? Вранье, ложь. А что такое воспитание? Ни что иное, как череда специально подобранной брехни. Родители говорят своему чаду: не делай так, не делая сяк... Мало того, что они сами все время делают именно так и именно сяк, но они еще и прекрасно понимают: не делая так и сяк прожить просто невозможно... Однажды - лет девять мне, наверное, было - я случайно залетел в спальню родителей, и застал их вдвоем в кровати. «Отчего вы лежите вместе?» - изумился я. «Мы с мамой изучаем философию Декарта», - ответил отец, натягивая одеяло. И я поверил! Поверил, представляешь!

ОНА. Ты просто очень доверчивый, Володенька, так нельзя. К тебе приходят люди, говорят, что они хотят бороться за коммунистическую идею, ты

так радуешься и веришь всем... Хотя бы интересовался иногда: что они, собственно, понимают под коммунистической идеей? А то я спросила одного, он, не задумываясь, ответил: «Это когда жены у всех будут общие!» И тут же начал ко мне приставать...

ЛЕНИН. Мне докладывали об этом досадном случае. Это был провокатор. Он уже расстрелян... Сашка боролся за истину, говорил: великая правда заключена в том, что все люди рождаются свободными и в этой свободе они равны. Красиво сказано... И где он теперь, мой несчастный брат?! Нет, я пойду другим путем! Я знаю такую ложь, которая перевернет весь мир! (*Одной рукой хватая стул и потрясает им*). Все эти хилые народники, вечно тоскующие интеллигенты хотели приручить мир, и потом изменить его. Мир слишком стар, чтобы кто-то мог его приручить - мир необходимо сломать! (*Легко ломает стул*). Раз! - и сломать!

ОНА. Какой же ты у меня, Володенька, сильный...

ЛЕНИН (*с плохо скрываемой гордостью*). Революционер должен быть сильным!.. Помнишь, как мы с тобой по Шуше на лодке плавали? Три часа! И я все греб и греб, греб и греб, греб и греб - без передышки.

ОНА (*подходя к Ленину, кокетливо*). Ты позабыл, Володенька, были передышки-то...

ЛЕНИН (*обнимая Ее*). Уж больно прекрасные были передышки, я и позабыл про них... Давно замечать стал: все хорошее - быстро забываю, а плохое, наоборот, никак позабыть не могу, все помню и помню зачем-то...

ОНА. Ты не огорчайся. Это у нас, у революционеров всегда так.

Их лица сближаются. Кажется, они должны вот-вот поцеловаться...

Но в последний момент Ленин отворачивается и уходит.

(*несколько обиженно*). А у тебя, правда, с этой... Ну, с этой многодетной красоткой все кончилось?

ЛЕНИН. Что ты, Надюш, опять начинаешь? Я же тебе говорил: Инесса Арманд - наш боевой товарищ, боец, борец...

ОНА. Так ты никогда не любил свою Несю или больше не любишь?

ЛЕНИН. Надежда, прекрати эти мещанские разговоры про любовь! Мы же особенные люди, Надя, мы - революционеры. А, значит, наша жизнь нам не принадлежит, она принадлежит истории! (*Быстро подходит к столу, продолжая говорить, записывает*). Мы не можем размениваться на мелочи, просто права не имеем! Не под присмотром полиции находимся мы постоянно, но под присмотром истории - история смотрит на нас, изучает и...

ОНА (*перебивает*). Тишина...

Ленин замирает.

Так ты вообще не любил свою Несю или разлюбил? С Надей - понятно: все эти разговоры на любовь не очень похожи. К нему жена приехала - а он ее повел барана есть. Странно... Хотя... Кто ж их поймет с этой неясной любовью? *(Подходит к Ленину, и начинает выщипывать волосы у него из головы, приговаривая при этом)*. Любит - не любит, любит - не любит, любит - не любит... Хоть бы понять, что происходит с душой человека, когда он умеет любить? И - главное - почему не подчиняются нам души влюбленных людей? *(Кричит)*. Почему?

Ленин медленно открывает глаза и улыбается.

Тишина, я сказала, мрак, безмолвие...

ЛЕНИН. Пожалуйста. *(Замирает)*.

ОНА *(удивленно глядя на него)*. Вот ведь неумный какой...

Откуда-то появляется женский парик с двумя толстыми женскими косами.

Она надевает парик, перебросив косы на грудь.

Говорит и ведет Она теперь себя по-другому: жестче, резче, строже.

(кокетливо). Товарищ Ульянов!

ЛЕНИН. Неся, ты? Как ты приехала? Зачем? Здесь же Надя...

ОНА. Так, значит, меня встречаешь, товарищ Ульянов? А где - радость встречи, где - влюбленные глаза?..

ЛЕНИН*(в растерянности показывает на глаза)*. Вот они... Черт возьми, что ж я делаю-то... Чудненько как все получилось... То есть, неловко... Глупо... Тут Надя еще приехала... Я тебе говорил? Наденька...

ОНА. Наденька - наш товарищ. Общий товарищ по общей нашей партии. Она не догадывается ни о чем...

ЛЕНИН. Догадывается. Я знаю наверное.

ОНА. Значит, делает вид, что не догадывается. И молодец. Сейчас войдет твоя Надя и скажет, что рада меня видеть... Послушай, товарищ Ульянов, нам что больше и поговорить не о чем, как только о твоей пучеглазой жене?

ЛЕНИН. Не надо так, Неся, зачем? Надюша ведь не только наш общий товарищ, она, между прочим, еще и моя жена.

ОНА. Ты - безбожник, товарищ Ульянов, в церковь не ходишь, у тебя не может быть законной жены. И потом объясни мне, наконец, почему мне мои пятеро детей не помешали к тебе приехать, а тебе мешает меня встретить по-хорошему всего лишь одна полузаконная супруга? *(Обнимает Ленина)*

скорей по-братски, нежели по-женски). Ты хоть рад мне? Любишь меня еще?

ЛЕНИН. Конечно, да... Люблю... Рад... Очень, Неся, очень...

ОНА. Вижу. Так куры радуются, когда к ним лиса в курятник заглядывает *(Смеется)*. Неплохо сказано? Запиши... Хоть поцелуй меня, товарищ Ульянов.

ЛЕНИН. Конечно, конечно... Как же я забыл? С удовольствием. Сейчас. *(Подходит к Ней, неловко целует в щеку, при этом все время поглядывает на дверь)*.

ОНА. Очень страстно. Так революционеры целуют своих, лежащих в гробу товарищей...*(Неожиданно начинает петь, почти шепотом)*. «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут...»

ЛЕНИН*(подхватывает, также тихо)*. «В бой роковой мы вступили с врагами, нас еще судьбы безвестные ждут...»

ЛЕНИН и ОНА *(поют вместе, тихо)*.

Но мы подыдем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу...
На бой кровавый святой и правый
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Она вдруг начинает хохотать, а Ленин, не обращая на это внимание, продолжает петь.

ЛЕНИН *(поет один)*.

Мрет в наши дни с голодухи рабочий,
Станем ли, братья, мы дольше молчать
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

(заметив, что Она смеется). Мотив, что ли, перевираю?

ОНА. Все нормально. Что-что, а слух у тебя, товарищ Ульянов, хороший. Смеюсь я на то, как ты самозабвенно поешь. Мой отец тоже целиком песне отдавался, ничего вокруг не видел. Так он оперным певцом был, а ты...

ЛЕНИН. Песня уж больно хороша... Сердечную песню товарищ Глеб написал. Кое-что, правда, напутал, но, в целом, неплохо получилось и, главное - сердечно.

ОНА. Чего напутал-то?

ЛЕНИН. А как же. Если разобраться... То, понимаешь: «Нас еще судьбы безвестные ждут». Безвестные, заметь... А в третьем куплете, помнишь (*поет*):

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей.

То - судьбы безвестные, то, понимаешь, не сгинут, станут священны миллионам... Путаник товарищ Кржижановский, но пишет иногда сердечно.

ОНА. А ты сам-то как думаешь: забудут нас?

ЛЕНИН. Нас? Нет... Нас так просто не позабудешь...

ОНА. Честно если - хочешь бессмертия, товарищ Ульянов?

ЛЕНИН (*утвердительно, но немного стесняясь*). Мм-мм... Только громко про это разговаривать не надо. Я когда Кржижановского спросил: ты на самом-то деле что про все это думаешь - безвестными останемся или поклоняться нам будут миллионы? Он мне так ответил: судьбы только тех людей в истории остаются, которые повторяют постоянно: «Мы известности не хотим...»

ОН. Мудрый он революционер, товарищ Глеб Кржижановский. А теперь отвечай мне быстро: любишь меня, товарищ Ульянов?

ЛЕНИН. Я... Конечно... Да... Разумеется, я...

ОНА(*медленно снимает парик; говорит другим голосом*). А Наденьку жену свою любишь?

ЛЕНИН. Я не понимаю, что происходит, я...

ОНА (*надевает парик; другим голосом*). Что глядишь на меня, как большевик на провокатора? У тебя ж, товарищ Ульянов, речевой аппарат развит хорошо, поэтому отвечай быстро на простой вопрос: любишь меня или нет?

ЛЕНИН. Кого тебя? Ты- кто? Я не понимаю...

ОНА. Ах ты не понимаешь? Так разберись в себе, а потом уже мир переворачивай.

ЛЕНИН(*тихо поет*).

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

ОНА. Тишина...

Ленин замирает.

Отвечай: любишь меня или нет? Отвечай!

ЛЕНИН*(продолжает тих петь)*

В бой роковой мы вступили с врагами...

ОНА. Молчать! Отвечать: любишь или нет!

ЛЕНИН*(истерично кричит)*. Я не могу молчать и отвечать одновременно. Кого, кого я должен любить! Я не понимаю! Кого?!

ОНА. Должен любить? Интересная формулировка: должен любить... Вопрос в другом: можешь ли ты полюбить *(кричит)*. Можешь?

ЛЕНИН *(кричит)*. Могу.*(Падает на диван)*

ОНА. Сомневаюсь. Не убеждена пока, но в этом твоём конкретном умении весьма и весьма сомневаюсь...*(Снимает парик; другим голосом)*. Испугался, Володенька? Померещилось что? Что такое, мой хороший? Что у нас случилось?

ЛЕНИН *(дрожащим голосом)*. Надя... Наденька приехала... *(Подходит к Ней, осторожно, чуть растерянно трогает Ее)*. Это ты?.. Ты!.. *(Смеется)*. Ты, ты! Теперь меня не обманешь, Наденька, Надюшенька моя...

ОНА. Работаешь ты, Володя, непомерно много, так нельзя...

ЛЕНИН *(прижимается к Ней, как ребенок)*. Надя, Надюшенька моя, я тут так испугался, так испугался... Мне такое привиделось...

ОНА. Что ты, Володенька, революционер не должен ничего бояться.

ЛЕНИН. А я не боюсь, ты не думай... Ни ссылки, ни каторги, ни смерти... Забвения, правда, побаиваюсь, но и то - не очень. Есть только одно, Надь, чего я боюсь ужасно.

ОНА. Чего же?

ЛЕНИН. Непонятного. Того, чего объяснить не могу - страх, как боюсь. *(Начинает расстегивать пуговицы у Нее на кофте)*. Пойдем, Надюш, на диван, вот он тут рядом стоит. Пойдем, а? Мне успокоиться надо - иначе я в себя не приду, работать не смогу... Пойдем, пойдем... *(Увлекает Ее к дивану, по дороге снимает с Нее кофту, юбку; вдруг резко останавливается, отходит от Нее, внимательно смотрит)*. Надюш, это ведь ты? Точно - ты?

ОНА. Ты, Володенька, может, ждешь кого?

ЛЕНИН*(испуганно)*. Нет, нет, нет, что ты? Никого! Кого я могу ждать? Никого не жду. Пойдем, пойдем, я так соскучился по тебе, так соскучился...

Ленин продолжает увлекать Ее к дивану, по дороге стараясь снять с Нее остатки одежды.

Когда они оказываются около дивана, Она профессиональным приемом укладывает Ленина на диван.

Надюша, ты что? Это ведь - ты? А это я - Володя, Вова Ульянов.

ОНА(перебивает). Тишина...

Ленин замирает.

Закрутила я тебя... Ты чуть с ума, бедный, не сошел... Теперь отдохни чуток, главный-то наш разговор еще впереди...

Затемнение

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Декорация и мизансцена конца первого акта: ЛЕНИН неподвижно лежит на диване, ОНА сидит на краешке.

ОНА. Закрутила я тебя... Чуть с ума не сошел, бедный... Теперь отдохни, отдохни чуток, главный-то наш разговор еще впереди...

Она встает, собирает одежду, одевается, выходит на авансцену, запускает песочные часы. Часы медленно крутятся, как пропеллер, в них пересыпается песок.

Ничего не могу с этой их любовью понять, ничего... *(Подходит к столу, листает бумажки)*. Вот, вроде, читаешь его и все понятно *(достает лист бумаги)* «Начинать нападения при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность всякого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов... *(С довольной улыбкой откладывает бумагу)*. Хорошо-то как сказано, понятно, правильно... А с этой любовью - сплошные неясности... *(Достает трубку, прямо из Ее ладони вспыхивает огонь, прикуривает, ходит по комнате, курит трубку)*. Будем рассуждать здраво. Если человек не любит и не любил никогда - душа его только ему и принадлежит, а это значит - цену найди подходящую - и все дела: хватай эту душу, продавай, меняй, делай, что хочешь... А вот ежели человек любить умеет, душа, вроде как, не ему одному принадлежит... Вот и начинается морока с этими влюбленными. И часто бессильными мы оказываемся против них, - вот, что самое обидное... *(Подходит к Ленину, гладит его по голове)*. То, что ты бессмертия хочешь - это хорошо, мне очень понятно и близко, а вот, что с твоей душой делается - неясно... Так что задача остается прежней: понять любил ли ты когда-нибудь и умеешь ли ты любить? Любил ли ты, Владимир Ильич Ульянов-Ленин? Вова, Володя... *(зовет)*. Володя!.. Володенька! В Гимназию пора!

Ленин медленно поднимается, некоторое время движется и говорит, словно в гипнотическом сне.

ЛЕНИН. Mam, я не хочу в гимназию, на улице такой холод.

ОНА. Надо идти, Володенька, надо учиться...

ЛЕНИН. Надоело! Все вокруг твердят: учиться, учиться, учиться! Надоело! Ну почему ты родила меня в этом ужасном городе, где абсолютно одинаковые серые дома и абсолютно одинаковые серые люди? Неужели всю жизнь я должен маяться в этом заплеванном Симбирске, где не то, что людей - книг и тех не найти?

ОНА. Зато девушек сколько! Ах, какие здесь девушки! Гимназистка по имени Лена... *(Неожиданно резко)*. Любил? Говори: любил? Говорят, в честь нее ты и взял свой знаменитый псевдоним?

ЛЕНИН. В честь нее?... Не помню, мама... Высокая была... Голубые глаза с поволокой? Ты - чей? *(По слогам)*. Ленин. Мам, ты все знаешь: в честь нее? Нет, нет, нет... Речка... Русская река, русская... разольется - не остановить... Силы нет такой, чтоб могла остановить, если разольется... Ле-е-ена... Река... Высокая река, голубая вода с поволокой... *(Кричит)*. Я забыл! Не помню откуда это взялось, не помню, не помню... Ты - чей? *(по слогам)* Ленин. Откуда это, мама?

ОНА. Тишина...

Ленин замирает,

Теперь давай сосредоточимся и все вспомним... Ты вспомнишь, а я отдохну перед нашим главным разговором. Послушаю, что там у тебя было и как... Ну, хороший мой, давай?

Ленин странно улыбается и кивает утвердительно.

Вот и молодец... Гимназистка Лена, голубые глаза с поволокой, *(по слогам)* Вы-со..

ЛЕНИН *(подхватывает)* ...кая. Высокая. Красивая, очень красивая.

На протяжении всего следующего монолога Ленин как бы играет две роли: себя - молодого и девушку.

(Как бы передразнивая девушку). Ульянов, вы читали Гончарова? Не правда ли, Обломов - суть очень русский тип? Я настаиваю, что только в России мог появиться подобный персонаж. И вот ведь, что особенно поразительно: Гончаров вдобавок ко всему симпатизирует своему герою, в сущности, лентяю и лежебоке... А Штольца - прекрасного, энергичного, деятельного мужчину ненавидит до такой степени, что даже дал ему немецкую фамилию. Нет, Ульянов, эта страна обречена - обречена на вечный российский сон, ее никогда и никто не разбудит. *(Собственным голосом, с несколько истеричной интонацией)*. Мы! Мы! Разбудим! Разбудим! Россию! Россию! Штольцы встанут-встанут! Пойдут-пойдут! Сметут-сметут!*(Неожиданно, страстно)*. Лена, вы должны быть моей! Будьте моей, Лена! *(Передразнивая девушку)*. Ульянов, что вы такое говорите? Вы ведь рыжий, Ульянов! Рассудите сами: разве ж можно любить человека, зная, что дети от него будут рыжие? И ноги у вас - короткие. И букву «р» вы не выговариваете. Да отстаньте вы от меня, Ульянов. *(Своим голосом, спокойно)*. Что же я могу поделать? Я просто похож на отца: он тоже не высок, рыж, и букву «р» не выговаривает после некоторых согласных. *(Кричит)*. Не всегда не выговаривает! А только после некоторых! Согласных!*(Передразнивая девушку)*. Вы, действительно, весьма похожи на своего отца, Ульянов, и от того мне не трудно рассказать, что с вами будет дальше. Вы будете жить в этом бессмысленном городе и умрете, как и он, чиновником четвертого класса. Я слышала, что ваш отец написал доклад «О громах и громоотводах»? Отлично! Чрезвычайно нужна и актуальная тема. Вы тоже настроите какой-нибудь докладик, от силы - парочку. Ни боль-

шее у вас не хватит ни сил, ни таланта. Вы живете на Московской улице, Ульянов? Отлично! Но вы никогда не побываете в Москве, и в столице, кстати, тоже не побываете. Вы не любите Обломова, Ульянов? Отлично! Только вы сами - Обломов и есть, как, впрочем, и все, кто окружает меня здесь... Все люди, рождающиеся в России, посылаются Богом на Землю с одной целью: доказать бессмысленность жизни. Забудьте обо мне, Ульянов. Если уж мне на роду написано жить с Обломовым, так я хоть найду среди них самого красивого. *(Своим голосом, на грани истерики)*. Врешь, симбирская мещанка! Я докажу! Я разбужу! Я переверну! Я всех этих Обломовых собственными руками - за горло! Вот этими руками буду горло сворачивать! Всем! И Штольцам этим - тоже! *(Подражая девушке)*. А Штольцам-то - за что? *(Собственным голосом, истерично)*. Заодно! Этого - на столб! А этого - заодно! Только так можно разбудить эту страну и сломать ее! Этого - к стенке, и этого, а этого - заодно! Вон, вон еще один ползет, орет: «Не убивай!», и этого - заодно! - чтоб не орал тут под ногами. *(Подражая девушке)*. Ах, Ульянов, как вы красиво говорите! Мне уже кажется, что я люблю вас... Я никогда не видела вас таким. Нет, Володенька, ты - не Обломов, ты... ты... ты- Спартак. *(Своим голосом)*. И тебя тоже - на столб, к стенке! За мои рыжие волосы, за короткие ноги, за букву «р», за отца моего... Не забуду это все! Не забуду! Лениным назовусь, только чтоб не забыть! *(Подражая девушке)*. Не смейте так говорить, Ульянов, я ничего плохого вам не сделала! *(Смеется, говорит абсолютно спокойно)*. А заодно... Ишь ты, высокая с голубыми глазами... Не нравятся мне высокие, которые поверх головы моей смотрят куда-то вдаль. Чего они там видят? *(Повернувшись к Ней, резко)*. Не нравятся мне такие, ясно?

ОНА *(по инерции)*. Ага.

Ленин устало садится на диван и затихает.

(ласково, без иронии). Вот умаялся-то как с этими воспоминаниями... Если девушка его довела почти до истерики - значит, наверное, любит он ее? Или нет? Спросить бы, конечно, можно, только кто знает: правду он скажет или наврет? Скорей всего наврет. *(Достает трубку, прикуривает из руки)*. Почему нам всегда нужны именно души людские, а не головы? Потому что с мозгами у нас и так все в порядке, если там жуткое чего надо совершить, или закрутить кого - это, пожалуйста, это - легко...А вот с душами - вечно проблемы... Не наши они - души-то, души Он *(смотрит на верх)* раздает, а мы - только воруем. Любовь - охранница души, вот оно в чем дело, если любовь на страже стоит - душу и не украдешь. *(Ленину)*. Как думаешь, Вова, правильно я говорю? *(Дает Ленину легкие пощечины - будит его)*. Отдохнул, что ли? Пора вставать.

ЛЕНИН *(словно спросонья)*. А? Что?.. *(Удивленно глядя на Нее)*. Аполлинария? Я что - прямо у тебя дома уснул? Работал, что ли, много?

ОНА*(раздраженно)*. Это смотря что ты работой называешь...

ЛЕНИН. Не надо так со мной разговаривать! Ты меня предала... Я тебя любил, а ты меня предала.

ОНА (*иронично*). Ой-ой-ой! Любил он меня... Туда-сюда...Быть того не может.

ЛЕНИН. Зачем ты так, Поля? Ты же знаешь: увидел я как ты в нашей школе для рабочих о «Манифесте» Марксовом рассказываешь - так тебя и полюбил.

ОНА. Голову-то мне, Вова, не морочь. Ты другую преподавательницу полюбил.

ЛЕНИН. Какую - другую?

ОНА. А то ты не знаешь! Коллегу мою, Надьку Крупскую... Как поел с ней блинов на масленицу, так с тех пор оторваться не можешь. Туда-сюда...

ЛЕНИН. Как тебе не стыдно так говорить, Поля? Можно подумать, это не ты от меня к профессору Тахтареву убежала...

ОНА. Что же мне было делать? В тоске да печали только поглядывать, как ты за Надькой ухлестываешь?

ЛЕНИН. Чего за ней ухлестывать? Ее помани только - она сама и прибежит.

ОНА. Нет, ты скажи: ты меня в Шушенское звал? Скажи, скажи... Звал меня? Нет, Вова, другую ты позвал девушку за собой.

ЛЕНИН. Что ж мне там надо было в одиночестве баранов резать, пока ты с этим рабочим мыслителем Тахтаревым... понимаешь... туда-сюда?.. Еще журналичко он издавал (*иронично*) «Рабочая мысль»!.. Не мысль, а сплошная бессмыслица!

ОНА. Ну и зачем же ты там печатался?

ЛЕНИН. Мне где предлагают - там я и печатаюсь.

ОНА. Нет, не любил ты меня, Вова, не любил... А я-то, дура, как мечтала о совместной жизни тире борьбе! Прямо представляла, словно на самом деле, как выйдем мы на площади, ты, разумеется, впереди, а я чуть-чуть сзади флаг буду нести! Туда-сюда... Я даже полушубок себе сшила серый и варежки к нему - тоже, заметь, серые - связала, чтобы красиво можно было знамя нести... А ты, понимаешь, с Надькой... Туда-сюда...

ЛЕНИН. Странная ты какая Поля-Аполлинария Якубова... Ну а если мы на площади летом выйдем? Куда ты со своим полушубком?

ОНА. Это ты странный, Вов. Кого ж у нас в жару на площади выведешь? Ты чего? В России бунтовать надо, когда холодно, чтоб люди побегали там, постреляли, согрелись чтоб... Туда-сюда...

ЛЕНИН. Вот это правильно.

ОНА. Неправильно другое: что ты с Надькой связался, а со мной - наоборот... Ты хоть Надькину партийную кличку знаешь?

ЛЕНИН. Минога... Ну и что?

ОНА. А то... Минога - она минога и есть.

ЛЕНИН. А профессор твой Тахтарев, с которым ты от меня ушла... Ушла, ушла - не спорь... Кабы не ушла, еще неизвестно, что б у нас там с Надюшкой моей получилось... Так вот профессор твой только с виду умный, а на самом деле...

ОНА(перебивает). Я, между прочим, с моим профессором счастлива... А что касается его ума... То тебе до него шагать, как до Сибири...

ЛЕНИН. Не так, значит, и далеко... Ну ладно, все, хватит... Вот и Аполлинарию мою вспомнили... Хорошо... Теперь отвечай мне, дорогая моя, кто ты есть такая и для чего понадобилось тебе вспоминать всех моих женщин?

ОНА. Да ты что, Вова, с ума, что ли, уехал? Аполлинария я, Якубова.

*Ленин не отвечает, и даже как будто не слушает.
Пройдя несколько раз по комнате кругами, Ленин неожиданно бросается к Ней, заглядывает пристально в глаза и вдруг щиплет за щеку.*

Вов, что это за фамильярности такие? На тебя, вроде, и не похоже.

ЛЕНИН. Проверить хотел из какого ты материала сделана... Кожа, вроде, натуральная...

*Длинная пауза.
Ленин выходит на авансцену и «запускает» песочные часы.
Часы крутятся, как пропеллер, в них пересыпается песок.*

Испугалась, что ли? Странно... Насколько я тебя распознал, бояться ты не должна...

ОНА(говорит механически, с испугом глядя на Ленина). Я - Аполлинария Якубова, марксистка, учу рабочих в вечерне-воскресной школе. Вместе с Крупской. Ты меня любил...

ЛЕНИН(перебивает). Не надоело?

ОНА. Я не понимаю...

ЛЕНИН. Чего не понятного? Кончались игры. Я тебе, конечно, благодарен за то, что помогла мне вспомнить моих женщин... Не всех, конечно, но - основных, так сказать, магистральных. Чудненько это было, не спору: воспоминания о любви кровь взбадривают, а это - полезно. Только ты уразумей: еще никогда и никому на свете не удавалось усыпить меня до такого состояния, чтобы я ничего не видел, не слышал и не понимал... И не удастся.

ОНА (с ужасом). Ты что - из наших?

ЛЕНИН. Из каких-таких из ваших? Объясни. Тебе вообще очень многое мне придется объяснить. Женщин, например, моих почто вспоминала?

ОНА (несколько растерянно). Я хотела... Я тут хотела... Мне необходимо было понять: умеете вы любить или не надо вам этого умения?

ЛЕНИН. Чего ж по-простому не спросила? Я б ответил.

ОНА. Мне надо было самой докопаться. Вы ж могли и соврать.

ЛЕНИН. Зря ты так: людям надо верить. А с женщинами у меня все просто, складненько так получилось. Я как думаю? В подруге жизни должны сочетаться три качества: ум, красота и неистовство. И так получилось, что в каждой из моих магистральных женщин воплощалось что-нибудь одно: в Надюше -ум, в Аполлинаруии - неистовство, в Неси - красота... Ты, кстати, их всех неплохо сыграла, молодец.

ОНА. А что разве Аполлинурия Якубова была не красивой? У нас другие сведения...

ЛЕНИН. Сведения ваши к делу никакого отношения не имеют. Я ж тебе вообще говорю в принципе, про главные, так сказать, качества моих женщин. Нельзя же, честно слово, все так буквально воспринимать? Конечно, Аполлинурия симпатичная... И в Несе вдруг неистовство возникает... ни с того, ни с сего... В Надьке, правда, ничего нет, кроме ума... Вообще - ничего. Ну ладно, не о том о речь... Главное, запомни: красота, ум и неистовство могут объединиться для меня только в революции, а потому революция - и есть моя самая главная подруга жизни.

ОНА. Сказано слишком красиво, чтобы быть правдой.

ЛЕНИН. Не веришь ты людям... Хотя, если честно, иногда вдруг скажешь что-то и понимаешь: не для современников сказано - для потомков... Постепенно это входит в привычку... Ну да ладно, давай выяснять будем, кто ты такая есть на самом деле?

ОНА. На подобный вопрос у нас принято отвечать: «Я- часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

ЛЕНИН (после паузы). Ага. Понятно. Гете. Читал. Ну и что ты мне конкретно хочешь предложить?

ОНА. Можно я сначала вопрос задам?

ЛЕНИН. Отчего нет? Найдешь вопрос, давай, задавай. (*Садится к столу*). Да ты не стесняйся, садись - поговорим. Конкретные предложения если есть - обсудим. Так в чем вопрос твой состоит?

ОНА. Я вот все-таки хочу понять: любить вы умеете или нет?

ЛЕНИН. Ты в каком смысле употребляешь это слово: в духовном тебя интересует, или там что попроще?

ОНА. В духовном.

ЛЕНИН. Тебе как лучше... ну, для твоих дел...чтоб умел или чтоб - не умел?

ОНА. Чтоб не умел... Но вообще-то мне правда нужна.

ЛЕНИН. Ну и договорились. По правде. А теперь я спрошу ты (*показывает наверх*) оттуда или (*показывает вниз*) оттуда?

ОНА. Я же вам объясняю... (*Медленно, почти по слогам*). Я...- понимаете, я? - часть той силы, что вечно хочет зла - зла, понимаете? - и вечно совершает благо.

ЛЕНИН. Это хорошо, что ты оттуда (*показывает вниз*). Потому что я в Него (*показывает наверх*) совсем не верю. Ну вот совсем! Мне в церкви почему-то всегда смеяться хочется.

ОНА. Зря вы в Него не верите. Он есть.

ЛЕНИН. Да? Ну и ладно. Я, честно говоря, и по поводу вашего (*показывает вниз*) сомневался.

ОНА. И наш, как вы его называете, есть. И Он есть. Так, собственно говоря, жизнь между ними и идет.

ЛЕНИН. Закончили эту тему. Разговоров поповских не люблю. Ты мне прямо говори: за моей душой, что ли, пришла?

ОНА. Вообще - да.

ЛЕНИН. Это что ж получается, и душа тоже есть?

ОНА. Самое поразительное, что душа есть абсолютно у всех. Кроме тех, кто нам ее продал - у всех остальных есть.

ЛЕНИН. И у меня?

ОНА. Разумеется. Иначе б я тут у вас не сидела.

ЛЕНИН. Это весьма огорчительно.

ОНА. Почему? Что ж в душе плохого?

ЛЕНИН. А что хорошего? Я ж тебе, вроде, говорил уже... Ну когда ты Наденькой была... Или кем еще... Неважно... Непонятного больше всего боюсь, понимаешь? В принципе боюсь, а когда это непонятное внутри меня сидит - вообще кошмар.

ОНА. Эту проблему мы решим легко. Вопрос в том: чего вы взамен души захотите?

ЛЕНИН. Хороший вопрос. Конкретный. Мне нравится. Но ответ ведь так просто сходу-сдуру не дашь. Тут подумать надо... Значит, говоришь можешь буквально все?

ОНА. Практически, да.

ЛЕНИН. Чудненько... И в любом количестве?

ОНА. Количество вообще роли не играет. То есть, если, в принципе, могу, то количество не важно.

ЛЕНИН *(после короткой паузы)*. И денег можешь?

ОНА. Вы что - серьезно?

ЛЕНИН *(доверительно)*. Деньги, понимаешь, очень нужны. Просто до зарезу. Раньше как-то проще было... Матушка - пусть земля ей будет пухом - помогала. Сто рублей в месяц - это уж будьте любезны, а если надо - то и больше. Царь-то наш, Николашка... Потешный такой... Матери за отца почти генеральскую пенсию платил, ну не бред? С его-то колокольни если глядеть, родительница моя - мать двух государственных преступников, а он ей - генеральскую пенсию. Разве в России можно быть таким беспринципным?

ОНА. Может, он просто добрый, царь ваш?

ЛЕНИН. Э, милая моя, сразу видно, что ты - не местная. Не знаешь ты наших условий... В России ты или добрый, или - царь. А то и другое не соединимо... Но дело не в этом... Можешь - денег? Только очень много. Немного.

ОНА. Пожалуйста. Но, мне кажется, это даже пошло: продавать свою душу за тридцать серебряников.

ЛЕНИН. А если золотом, да нулечки прибавить? *(Смеется)*. Шучу. Только значения денег я бы тоже не стал преуменьшать. Парадокс истории он ведь в чем состоит? Невозможно без денег построить общество, в котором не будет денег. Понимаешь? *(Подходит к столу, записывает)*. Нельзя, чтобы такая мысль пропала, правда?

ОНА. Да вы хоть понимаете, с кем разговариваете? Вы понимаете, что можете попросить у меня сейчас практически все, что вам угодно. Все, что

угодно! Вы даже можете воскликнуть: «Остановись, мгновенье!» - и оно остановится. Вы это понимаете?

ЛЕНИН. Да ты что? Время мне зачем останавливать? Это вообще какие-то глупости бессмысленные!..

ОНА. Всем, значит, надо, а ему - не надо... Ну и ладно. Я же вас не заставляю... И вообще, это ваша проблема: цену назначить... Я уже поняла, что с вами будет договориться проще, нежели с вашим учителем.

ЛЕНИН. Ты кого имеешь в виду?

ОНА. Маркса бородатого - кого ж еще? С ним ведь тоже пробовали - ничего не получилось.

ЛЕНИН. От чего же?

ОНА. Страсти в нем не было. Он вообще смешной такой... В женщинах, видишь ли, слабость больше всего ценил... Не упертый был, так... Написать чего-нибудь, поговорить - это пожалуйста. А страсти настоящей в нем не было, чтобы броситься куда-то, поднять кого-нибудь. Экономист, одним словом.

ЛЕНИН. Я, между прочим, тоже экономист.

ОНА. Вы, Владимир Ильич, совсем другое дело. Вы - экономист со страстью, такие-то как раз мир и переворачивают... С нашей помощью чего только не творят экономисты со страстью...

ЛЕНИН. Ты погоди, ты не сбивай меня лишними разговорами. Задача моя какая? Воспользоваться моментом, дабы получить от тебя нечто такое, чего я никогда и нигде больше получить не смогу. Так?

ОНА. В обмен на душу...

ЛЕНИН. Да не отвлекай ты меня посторонним, прошу. Никогда и нигде не смогу получить... *(Решительно)*. Можешь сделать меня высоким и красивым? Чтобы лысины не было, и чтобы я не картавил вовсе?

ОНА. Ну вы, Владимир Ильич, и задачи ставите...

ЛЕНИН. Очень надо, понимаешь? Я ведь могу с тобой откровенно говорить?

ОНА. Со мной по-другому просто не получится.

ЛЕНИН. Тут, видишь ли, какое дело чудненькое.... Я ведь кем хочу быть? Хочу я быть пастухом.

ОНА*(удивленно)*. Кем?

ЛЕНИН. Ты погоди, не удивляйся особо-то. Только не баранов я этих шашлычных хочу пасти, а людей. Чтобы рукой им показать (*следует знаменитый ленинский жест*), и чтобы они туда пошли, куда я им указал. Понимаешь? Только чтобы не спрашивали ничего, не думали лишнего, не рассуждали невпопад, - а просто, чтобы построились, и пошли. Причем, заметь, не пять там человек или десять, а - тысячи, лучше - миллионы, совсем хорошо - весь мир. Так вот для воплощения этой мечты, скажу тебе честно, внешность у меня не слишком подходящая.

ОНА. Владимир Ильич, в мужчине внешность-то не главное.

ЛЕНИН. Мы ж не про мужчину какого-то там говорим! Мы ж речь ведем про пастуха всего человечества... Вот ты про Маркса вспомнила, пытался я бороду отпустить, как у него. Гадость какая-то растет рыжими клоками... Не та у меня внешность, чтоб миллионами людей двигать.

ОНА. Так, может, проще вас кинорежиссером сделать?

ЛЕНИН. Кем?

ОНА. Вы движущиеся картинки видели уже?

ЛЕНИН. В Париже. Занятная штука. Но это-то тут при чем?

ОНА. Я могу вам совершенно компетентно сказать, что искусство кинематографии будет развиваться чрезвычайно быстрыми темпами! Пройдет совсем немного времени и кинематографисты станут людьми еще более популярными, чем политики.

ЛЕНИН (*недоверчиво*). Правда, что ли?

ОНА. Уверяю вас... Художники кино станут снимать огромные полотна, в съемках будут участвовать сотни, даже тысячи человек... И можно будет за-просто встать на возвышение и по мановению вашей руки вся эта многоты-сячная толпа двинется туда, куда вы скажите.

ЛЕНИН. И куда ж она двинется?

ОНА. Куда вы скажите... В кадре туда-сюда.

ЛЕНИН(*передразнивает*). Туда-сюда... Ты мне еще полководцем пред-ложи стать. Я ж тебе совсем про другое толкую. Ты хоть понять можешь, что это значит: стать пастухом всего человечества?

ОНА. Понять не трудно: не вы первый об этом просите.

ЛЕНИН Не то, не то, не то... Не понимаешь ты чего-то самого главного... Самого основного... (*Бормоча эти слова, Ленин неожиданно уходит*).

ОНА(*кричит вдогонку*). Владимир Ильич, куда же вы? Владимир Иль-ич!.. Станный какой... Беда мне с этими революционерами - пастухами че-

ловечества. Философы - они хоть понимают, чего хотят... А эти... Прямо, как дети... И вот, что интересно, слышите меня, Владимир Ильич?

ГОЛОС ЛЕНИНА. Слышу, иду...

ОНА. Что интересно... Хоть бы один попросил спокойной жизни. Нет! Куда там! Все чего-нибудь хотят, но никто не желает спокойствия. Никто! Всем бы или человечество двигать, или время останавливать.

Нерешительно входит ЛЕНИН, руку держит за спиной, видно, что он что-то прячет.

Нет бы там попросить домик на одиноком острове, яхточку, еще чего... И жить спокойно...

Говоря эти слова, Она поворачивается спиной к Ленину. Ленин достает из-за спины нож, шагает к ней.

(резко развернувшись). Может, вам тихая жизнь по нраву?

ЛЕНИН*(приставляя Ей нож к горлу).* Быстро села на диванчик!

ОНА. Вы что с ума сошли?

ЛЕНИН. На диванчик, и чтоб - тихо.

Продолжая держать нож у Ее горла, Ленин доводит Ее до дивана. Оба садятся.

Будешь делать то, что я сказал. Ясно?

ОНА. *(испуганно).* Ясно.

ЛЕНИН. Дернешься, убью. Поняла?

ОНА. Поняла. *(Словно впервые осознав то, что она услышала).* Кого убьешь, меня? *(Смеется).* Ну ты, мужик, молодец!...

Она дует на нож - нож взмывает вверх, и через мгновение падает.

Ленин бросается к ножу

Тишина...

Ленин замирает.

(подходит к Ленину, говорит ему прямо в глаза). Ты что, совсем, что ли, рехнулся от радости? Как же это меня убить можно, милый, ты что? Ну ты силен мужик, силен: меня напугал! Надо же! Признаться, я совсем башку потеряла. Проверить меня, что ль, хотел? Говори!

ЛЕНИН. А чего тебя проверять? И так все понятно...

ОНА. Так зачем же меня в плен брать? Выкуп, что ли, собирался просить? (*Смеется*). Интересно у кого...

ЛЕНИН. Да не за тем я.

ОНА. А зачем же тогда?

ЛЕНИН. Я подумал: тебя ведь в плен никто никогда не брал?

ОНА. Подобная шутка, действительно, никому в голову не приходила.

ЛЕНИН. Ну. А ты еще спрашиваешь: «зачем?» (*Со вздохом*). Я уже объяснял: самые поразительные результаты всегда приносит именно то, что никогда и никому не приходило в голову. Дай, думаю, приставлю ей нож к горлу, а там поглядим, что будет. Главное - ввязаться, а там - посмотрим...Неплохо сказано... Главное - ввязаться, а там - посмотрим. Можно запишу? А то ведь позабуду, жалко будет.

ОНА. Записывай.

ЛЕНИН(*подходит к столу, записывает*). Главное - ввязаться, а там посмотрим... Или «видно будет»? Так лучше... Главное ввязаться, а там - видно будет. О! Отлично! (*Пишет*).

Неожиданно Ленин бросается к ножу, хватает его, но нож словно прилип к полу.

Ленин пытается отодрать руку, но и рука, кажется, прилипла тоже.

Извиваясь, Ленин пытается поднять руку, но ничего не получается.

ОНА. Вот неумный какой... Тебе что с ножом в руках думать лучше или, может, разговаривать удобней? (*Кричит*). Отвечать!

ЛЕНИН(*пытаясь отодрать руку от ножа; с хрипом*). Удобней...

ОНА. Интересный ты какой... Ну, ладно, походи посиди на диване, в себя приди...

С трудом Ленин отдирает руку от ножа, пошатываясь, идет к дивану, садится, с удивлением смотрит на свои руки и периодически поглаживает их, как человек, с которого сняли наручники.

Зачем я здесь, не позабыл еще?

Ленин кивает головой: мол, помню.

Это хорошо... Ты что, дар речи потерял, дорогой мой?

Ленин беспомощно пожимает плечами, молчит, поглаживает руки и периодически удивленно смотрит на нож.

Любезный мой, так у нас с тобой разговор не сложится, правильно?

Ленин кивает и виновато улыбается.

Скажи мне, наконец, что-нибудь... Не можешь? Надо тебя в чувство приводить?

ЛЕНИН. Не надо. Я сам приду. Сейчас... Ты закрутила меня так... Я чуть с ума не сошел... Так ужасно, когда тебя рука не слушается, так ужасно, так непонятно...

ОНА. Ты меня закрутил, я - тебя. Мы - квиты. (*Наклоняясь над Лениным*). Только ты оказался более квелым, чем я. Совсем, гляжу, тебе погано. (*Неожиданно*). Потанцуем?

ЛЕНИН. Чего?

ОНА. Объявляется белый танец! Дамы приглашают кавалеров!

ЛЕНИН (*вжимаясь в диван*). Не надо! Я не умею танцевать!

ОНА. А если под твою любимую музыку? Под «Апоссионату».

Взрываются торжественные звуки «Апоссионаты».

Ленин в ужасе смотрит на Нее.

Она хватает его как, как куль, и начинается странный мистический танец: Ленин и Она танцуют под «Апоссионату».

Во время танца Ленин явно приходит в себя, более того: ему все больше и больше нравится танцевать.

ЛЕНИН (*шепчет Ей*). Я понял, чего я от тебя хочу... Я это знаю...

ОНА. Погоди, танец не порти.

Продолжают танцевать.

Музыка смолкает также неожиданно, как и возникла.

ЛЕНИН. Все? Жаль... Какая музыка! Нечеловеческой силы...

ОНА. Нечеловеческой? Это правда... Ну и что ж ты надумал, наконец, танцор мой дорогой?

ЛЕНИН. Если ты и вправду все можешь, сделай меня Богом, пожалуйста.

Длинная пауза.

Она закуривает трубку.

Ленин напряженно ждет.

ОНА. Так я знала... Додумался... Этого-то я как раз не могу.

ЛЕНИН. Почему?

ОНА. Потому что место Его занято. Кто только ни пытался это место получить - и из ваших, и из наших - ничего не выходит. Чужое это место. Его.

ЛЕНИН. Жаль... Чего, вообще нельзя? Ну хоть на время Богом побыть?

ОНА. Как ты себе это представляешь?

ЛЕНИН (*заметно волнуясь*). Чтоб портреты мои висели - только не в углу, как иконы, а на каком-нибудь самом видном месте, чтобы люди моим именем клялись, чтобы с именем моим шли куда-нибудь - лучше, конечно, на казнь...

ОНА. У нас с тобой разные представления о том, что такое Бог. То, о чем ты мечтаешь - это можно. На время, разумеется, но - можно. После смерти.

ЛЕНИН. Чьей смерти?

ОНА. Ну ты вопросы задаешь... Не моей же.

ЛЕНИН. А я что - умру?

ОНА. Непременно. Все будет, как у всех: тело умрет, душа, которая нам принадлежать будет, бессмертной останется.

ЛЕНИН. А наоборот нельзя?

ОНА. Как это - наоборот?

ЛЕНИН. Чтобы душа умерла, а тело бессмертным осталось? Причем, я душу готов отдать хоть сейчас - зачем она мне? А вот тело мое - неказистое, обруганное - останется бессмертным. Здорово ведь! Тебя кто-нибудь просил тело обессмертить?

ОНА. Все как-то больше о душе заботились.

ЛЕНИН. Вот и чудненько... Значит я дело предлагаю. Как это я говорил. (*Подходит к столу, достает бумажку, читает*). «Без ножа русский человек...» Не то!

ОНА (*заученно*). Самые поразительные результаты всегда приносит именно то, что никогда и никому не приходило в голову.

ЛЕНИН. Правильно. Вот молодец какая - запомнила... Ну так что, договорились: я - вам душу отдаю, вы мое тело делаете бессмертным и превращаете меня в Бога.

ОНА. И то и другое - временно.

ЛЕНИН. Это уж как сможешь, хотя хотелось бы, конечно, подольше... А душу бери, раз так она тебе нужна. Я запомнил, как ты говорила: мол, у всех

людей всенепременно есть душа. Значит, я буду единственным правителем России без души.

ОНА. Не льстите себе, Владимир Ильич, не вы первый, не вы - последний.

ЛЕНИН (*радостно*). Вот ты и попалась, вот ты и проговорила: подтвердила, что буду я правителем России. Жаль посмотреть нельзя, как я буду править...

ОНА. Отчего ж нельзя? Хотите в будущее заглянуть? Пожалуйста, это не трудно.

Сверху падает парик-лысина. Она надевает парик.

Ленин смеется.

Подлинные ленинские цитаты Она произносит чрезвычайно темпераментно, как на митинге, но при этом немного картавя, играя Ленина.

«Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция бежит из партии. Туда и дорогой этой сволочи!»

ЛЕНИН (*Ей*). Ты моя хорошая! Как похожа-то на меня! Как говоришь правильно!

ОНА. «Надо собирать сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей, поручить все это толковому, аккуратному человеку из ГПУ...»

ЛЕНИН. ГПУ - хорошее сочетание. Надо запомнить.

ОНА. «...надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу). (*Выйдя из образа*). Хорошо, как ты говоришь, милый! Как хорошо! А вот еще слышу твои слова, еще... (*Играя Ленина*). «Расстреливайте на месте беспощадно за всякую скрытую винтовку! Весь гвоздь момента: быстрая победа в Донбассе!»

ЛЕНИН. Ты играешь меня лучше, чем всех моих женщин!

ОНА. А вот еще послушай, послушай... (*Так увлекается, что забывает играть Ленина*). «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»

ЛЕНИН. Как хорошо! Когда же это, наконец, будет?

ОНА (*снимая парик*). Будет, Володечка, теперь - точно будет...(*Приближаясь к Ленину*). Ты - необыкновенный, ты не похож ни на кого...

ЛЕНИН. И ты, и ты - тоже. Ты подарила мне жизнь, ты закрутила мне голову...

ОНА. Я хочу, чтобы ты был моим... Я хочу...

ЛЕНИН. Я люблю тебя.

ОНА. Люби... Меня - можно.

Ленин и Она сближаются.

Страстный, долгий поцелуй.

Она и Ленин опускаются под землю.

Проносится порыв ветра и наступает темнота.

В двух углах на авансцене освещаются песочные часы. Они начинают крутиться, вертятся все быстрее, быстрее.

Выходит ЛЕНИН, потирая голову.

ЛЕНИН. Неужели упал? (*Ощупывает голову*). Сколько ж я пролежал-то... (*Замечает лежащий на пол нож, осторожно приближается к нему, медленно присаживается, бережно дотрагивается до ножа и резко поднимает; с ножом в руке*). Привидится же такое...

На сцену медленно ползет дым.

(*По - звериному нюхает воздух*). Мясо подгорело! Мой баран!

Хочет выбежать из комнаты, но путь ему преграждает ОНА.

(*неуверенно*). Надя?.. Наденька приехала! Надюша, я...

ОНА (*перебивает*). Тишина...

Ленин замирает.

Она, улыбаясь, медленно надевает на голову парик с двумя косами.

Затемнение

К О Н Е Ц